

Известный иллюзионист о городах и людях

Всемирная знаменитость живет по соседству с крутым отелем "Пента". О самой гостинице толком ничего не знает, кроме того, что она ему не мешает. Квартира артиста не тесна, но апартаментами ее все же не назовешь. Хотя вкус и стандарт сказываются. Ну а сам хозяин при встрече был далек от устоявшегося образа небрежно-элегантного публицителя: серые брюки, вишневый домашний свитер, сигареты "Ява"...

М.С. 94

Ю. М. Д.

Вет. Москва. - 1994. - 10 стр. - с. 5

МАГИЧЕСКИЙ КИО и К°

— Страна освободилась от старых иллюзий и вроде бы не попала еще в плен новых. Игорь Эмильевич, как вам, профессиональному иллюзионисту, живется-можется в наше лишившееся мистически-заповедного ореола время?

— По возможности стараюсь не скучать. В нынешней смуте ведь есть и свои преимущества: столкновение эпох, невообразимая мешанина, просто-таки балаганная пестрота — это рай для фокусника. Правда, трюки, которые продлевают порой мои высокопоставленные "конкуренты", по дьявольщине замысла и охвату аудитории ни в какое сравнение не идут с моими скромными цирковыми пассажами. Одно действо под названием "Путч" чего стоит! Тут и "гипноз", и психоз, и массовое заклинание, и обилие пиротехнических эффектов, и прочая черная магия с неизменным упованием на коммунистическую "волшебную палочку-выручалочку". И за всем этим пресловутое убеждение, будто публика дура. Нет, она уже не дура, и "факиры" от политики пребывают в губительном заблуждении. Как говорится, фокус не удался, подвели самоуверенность и упование на чары, а чары сами по себе ничто — за ними должен быть тонкий расчет и много еще чего, не видимого глазу зрителя. Поэтому имеем что имеем: дурную пародию на цирк, а не "гений" политического прозрения.

— Что верно, то верно. Но шут с ними; с путчистами. Как вы-то развешиваете скуку, волшебных дел мастер?

— Недавно вот создали акционерное общество "Династия". А дело все в том, что 11 апреля исполняется сто лет со дня рождения отца, Эмиля Теодоровича Кио.

— Это совместное предприятие с вашим старшим братом Эмилем?

— Пока только с моим коллективом, но не исключено, что мы скооперируемся с братом. Все возможно.

— Стало быть, по старинке "волшебствовать" уже трудновато?

— Стихия рынка диктует свои законы. А искусство иллюзии — это, извините, большая бухгалтерия.

— И со всем этим хозяйством — ассистентки, обслуга, животные, вагоны реквизита — вы рискнули уйти в самостоятельное плавание? На протяжении уже долгого времени вы с братом были и практически остаетесь в своем амплуа вне конкуренции: аттракциона, подобного Кио, в России нет. И тем не менее в большом хозяйстве, видимо, не без проблем?

— Я был благополучным человеком при "старом режиме". Четыре года уже вне стен цирка. Проблемы есть: нужен офис, колоссальные траты на переезды, возникают сложности с зарплатой для труппы.

— Чары не помогают? Я имею в виду устоявшиеся связи, славу, обаяние.

— Иногда это выручает. Но жизнь "колдует" по-своему. Многие просто куда-то проваливаются — как в решето.

— Чудеса в решете?

— Вот-вот, что-то вроде этого! Даже отсутствие конкурентов вижу как следствие недостаточной пропаганды нашего искусства, тех обывательских суждений (на самых разных уровнях общества), что показывать фокусы — это нечто несерьезное, легковесное. Чалма и

халат факира никого не прельщают, в словах "апи!" или "раз, два, три!" уже нет завораживающей силы. Зритель становится "жертвой" просвещения в том смысле, что лишается трепета прикосновения к "тайне", костенеет под броней прагматизма. Самые романтические времена прошли. Именно поэтому искусство иллюзии требует современного подхода, с преобладанием науки и техники, с постоянным усовершенствованием и обновлением механизма "обыкновенного чуда".

— Раньше было проще? Наверное, и посытнее, и пообеспеченнее?

— В чем-то да. Но все-таки сегодняшние свободы я даже в мыслях не поменяю на то благосостояние. Ведь это же здорово, когда нет дурака-начальника, я сам назначаю цены на билеты, ставки, заключаю контракты... Это нормальная жизнь. Элемент риска, конечно, остается, но без накладок нигде не обходится, ни в каком деле.

— Как вам в нынешней Москве, Игорь Эмильевич?

— Пока грязновато и дороговато. Причем понимать это следует шире, чем буквально. Но вот один мой знакомый рассказывал, что на Украине живут еще хуже: ни хлеба, ни колбас...

— Давайте, Игорь Эмильевич, вернемся к нашей действительности, к тому, что вы назвали "грязновато и дороговато". Что об этом думает ненищенствующий Кио?

— Что говорить, если жена пошла в зубной, так пломба — 80 долларов. А как же теперь людям зубы лечить: студентам, пенсионерам?

— Вы посещаете рестораны?

— Теперь очень редко. К тому же четыре года как вообще не пою.

— Где одеваетесь?

— Проблемы с одеждой решаю за границей, говорю это без пижонства, скорее, с грустью. Это вовсе не значит, что у нас все так плохо. По части костюмерии для моего шоу меня здорово поддерживает Валентин Юдашкин. За границей, между прочим, не верят, что у нас такое возможно шить.

— Вы сами водите машину?

— Сам.

— Бензин из-за границы не повезешь.

— Насчет дороговизны бензина я бы поспорию. После 400 рублей за литр на коммерческой заправке 140 на государственной — это абсолютный кайф!

— Как вам как человеку за рулем наши дороги?

— А об этом говорит такой факт. Многие иномарки оборудованы компьютерной системой безопасности. Так на наших улицах этот японский приборчик беспрестанно верещит и высвечивает одно тревожное слово: "обочина", "обочина"... Вообще же если там, где началь-

— Москва — в паутине переходного периода. Самостоятельность — удовольствие дорожное и хлопотное. В цирках своих проблем под завязку, свои графики, свои программы. Отсутствие дотаций и спонсорства вообще делает многие начинания неосуществимыми или нежелательными — хотя бы до поры, до времени. Вы согласны?

— К сожалению, приходится это признать. И искать выход, перераспределяя усилия и переориентируя поиск.

— Что нас может ждать при благополучном — капиталистическом — исходе, Игорь Эмильевич? Вы-то этот капитализм повидали, слава Богу.

— Многие меняется на глазах прямо сейчас, расцветает досуг, всяческая торговля, ночные казино и приват-клубы. Все это красиво подается. По крайней мере, с претензией на красоту и привлекательность. Тут явное равнение на Запад. Болезни роста ведь проходят рано или поздно. Стабилизация и нас не обойдет, мы не заговоренные от экономическим чудес. Мы вообще подвержены чудесам, такая у нас страна, земля под нами такая. Главное, что создана модель, позитивно она уже существует. И вывеску в конце концов сменит норма. Возможно, даже произойдет "русское чудо" — как японское или тайваньское. Хочется в это верить.

— Хорошо, придет к нам изобилие. Но и на Западе оно — разное. Как говорится: что ни город, то норы, что ни деревня, то обычаи. Есть ли различия меж их столицами — в плане порядка, образа жизни, культуры?

— Токио — это общепризнанный лидер сервиса. Это американизированный Восток. Высокий стандарт и национальный колорит. Что касается "английских надписей", то они везде, по всему миру. Кроме, разве, Франции: там — культ собственного достоинства, традиций, "великая держава", поэтому — все на своем языке. Хельсинки... Что меня всегда жутко раздражало: контраст соприкосновения — едешь на поезде, закончился СССР — и закончилась вагонная тряска. Мне до боли обидно было сравнивать японский и владивостокский универсамы. Афины — грязновато, все же, а Кипр, Мальта — это бывшие колонии, там — чище, стерильнее: англичане научили. Париж — суперсовременный город плюс город-музей. Если двести миллионов долларов дать Ленинграду, всех выгнать, чтоб не мешали, и Ленинград станет не хуже Парижа. Может быть, и лучше. Стокгольм — организованность, чистота, а про мелкие городки Скандинавии даже не говорю. Они просто как из мультипликации, словно театральные декорации, так красивые и ухоженные.

— Вы верите, что у нас, хотя бы в Москве, будет так же?

— Как в Дании или Голландии, где тротуары моют с шампунем, вряд ли, нам просто шампуня не хватит. Но с другой стороны: почему нет? С неба это не падает, но работать мы тоже умеем.

— И вместо образцового "коммунистического города" у нас будет что-то вроде "Токио-2", по крайней мере, в районе Манежной площади.

— У нас все-таки будет Москва. Город, где я родился и где жить можно будет цивилизованно, достойно, со смыслом, как подобает. А мир чудесен сам по себе, без всяких чудес Кио.

— Значит ли это, что зрителям, к этим чудесам Кио привыкшим, уже ничего подобного не дожидаться? Вы меня извините за несколько дешевый каламбур, но я бы сказал, что без Кио, как без чешского пива. Не зря у нас в фаворе колдун Тарасов, психотерапевт Кашпировский, магический молчун Чумак и экзотическая Джуня. Народ по-прежнему трепует: "Чуда!" И хочет верить, даже намеренно обманываться.

— У меня, как и у уважаемого мной Ю. М. Лужкова, руки тоже зудят без дела. И тот обман, который Юрию Михайловичу не простят, а мне прощают, по-прежнему на вооружении акционерного общества "Династия". Мы заключили контракт с заводом Туполева и активно готовим новую программу. Заводчане уже выполнили основную часть работ по изготовлению уникального реквизита, причем все осуществляется на наши средства, без привлечения каких бы то ни было спонсоров. Пожалуй, это самый трудный фокус, какой мне когда-либо приходилось продлевать. Пока еще существует проблема помещения, но, думаю, что через полгода мы сможем пригласить зрителей на наш совершенно невероятный аттракцион. Это будет абсолютно новая программа.

— Хорошая новость — хороший эпизод?

— Читателям "Вечерки" хочу пожелать побольше приятных чудес в жизни и жду всех на наши представления.

— Спасибо, Игорь Эмильевич. Поменьше вам проблем и побольше удачи.

Сергей ПАРАМОНОВ.

Фото С. ШАХИДЖАНИЯ.

сы... В Киеве, кстати, не был уже лет четырнадцать. Прекрасный город! Теперь вот заграница...

— Что вам за граница, вы ведь всегда были выездным. Наверное, проще назвать города, где вы не были, чем те, которые вы посетили с гастролями?

— Да нет, я много где не был. В Ереване — никогда в жизни. Представляете, в городе диковинном, в столице древнейшего государства, где христианство появилось раньше, чем в Византии. Не был в Средней Азии...

— В Тбилиси?

— А как же! Я заслуженный деятель искусств Грузии.

— Почему-то вспомнил Карабах, временное управление НКАО... Вам никто не говорил, что вы очень похожи на Вольского?

— Неужели? Не знаю... (смеется).

— Говорят, что в Лондоне, во Всемирном клубе магии, первая строка золотом на стене — "Кио, СССР". Это ваш отец. А как у вас отношения с англичанами?

— Англия — страна, где надо бы побывать. Пока, увы, не пришлось.

— Стали реже гастролировать?

— Да нет, вроде. Недавно вернулся с Кипра. А до этого целых пять месяцев работал в Израиле. В маленькой стране — пять месяцев! И полетила на представление. Наверное, потому, что там очень много бывших наших соотечественников.

— Встретили там кого-нибудь из старых знакомых?

— Фрадкис встретил. Вы, конечно, не знаете, кто такой Фрадкис? Он работал еще у отца, потом у меня. Сорок лет в одной должности. Это был гениальный администратор: он всё мог добыть, пробить, достать. Он сам расклеивал афиши! Был жаден до дела, никогда не сидел сложа руки. Мог спасти представление от всякой неожиданности. Теперь пенсионер, а так как пенсия осталась здесь, то старик зарабатывает на пропитание изданием цирковых баек, анекдотов. Кое-что, сказал мне по секрету, одуевает из книги Ю. Никулина "Почти серьезно" — не дословно, а чтоб освежить память. И публикует все это в русскоязычных израильских газетах.

— Вы с такой грустью это говорите...

— Сейчас такого администратора, как старый одесский еврей Фрадкис, не найти. Человек был предан цирку, сам мечтал стать артистом... Вот иду молодого, разбирающегося в шоу-бизнесе. Другое время, другие требования. Но молодые, к сожалению, думают о личном заработке, а дело — вторично. Фрадкис тоже не изнемогал от бескорыстия, но превыше денег все-таки ставил дело, которое любил и знал до тонкостей. Бывало, если щит снят до срока — ночей не спал.

— Вы в одиночку ездите за рубеж?

— По-разному. В Израиле мы были с группой В. Запашного.

ники живут — в арбатских переулках, — плохие дороги, то нужны ли комментарии.

— Любите Москву?

— Я москвич, и этим все сказано. Где бы не был, а по Москве тоскую. Но как-то стало неухоженно в моем городе. Тот же Попов, приди в мэрию, обещал начать с дорог. Лужков что-то делает, вспомнил о дворниках, поднял зарплату.

— Как человек, достаточно близкий к дворничьему промыслу, могу сказать, что указания Юрия Михайловича, видимо, услышаны не всюду. В том числе и в Центральном округе, как ни странно. Казустика чиновников бессмертна, как и мафия.

— Тем не менее руки сейчас у мэра развязаны, человек он волевой, порядок, думаю, наведет.

— Разбор в обществе, развал в государстве: не до чистоты. Кто-то из молодых политиков вам симпатичен?

— Я вообще-то смотрю телевизор, я очень политизированный зритель. Безусловно, есть фигуры, которые мне нравятся. Явлинский — человек неординарный, Гайдар — просто умница, слишком интеллигентен для нашей страны. За Шахраем вижу какое-то хорошее упорство и честность. Все-таки они другие, эти ребята. Просто, я хорошо помню тех старых долдонов, и на их фоне открытость, самоирония нынешних политиков — отрадное качество. Они живые люди, а не символы и манекены трибуны.

Один из старейшин нашей эстрады рассказывал, что на свадьбе дочери Хазанова много шутили, феномен "капустника", знаете ли, и достаточно неловко коснулись присутствующего Бурбулиса. Тот вроде бы обиделся. Ему потом говорят: "Не расстраивайтесь. Вот Шарль де Голль, если не видел в утренних газетах карикатур на себя, считал это дурной приметой — падением популярности." А Бурбулис тихо и с юмором: "Я вам скажу по секрету: я не де Голль". Степанков, между прочим, признался на 50-летию прокуратуры, что мечтал быть клоуном.

— А сами вы обидчивы, Игорь Эмильевич? Как у вас складываются отношения с братом? Хотя и родственники, но две корпорации: соперники, наследники отцовского дела?

— У нас с Эмилем джентльменское соглашение. Это по части манежа, гастролей — во избежание казусов прежде всего. Элемента ревности нет. На столетие отца, основателя династии, решили организовать большое иллюзионное шоу с широким привлечением других иллюзионистов, наших и зарубежных артистов — праздничную, юбилейную такую программу-ферию. Эту идею надо было обговорить с дирекцией цирка на Цветном. Почему — объяснять, думаю, излишне. Однако там явно встретили наше предложение, что меня слегка озадачило. Ведь это все равно, как если б во МХАТ пришли и сказали: "Столетие Качалова, надо отметить". А Ефремов им, допустим: "Нет".